

УДК 316.62

И. М. Попова, проф.

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Институт социальных наук, кафедра социологии

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА КАК ОСНОВА ЛЕГИТИМАЦИИ И СОГЛАСИЯ

Легитимность власти — высший уровень общественного согласия, означающий доверие к ней и признание ее справедливости. Общественное согласие (соглашение, "негласная" конвенция) возможно и без легитимности, но при условии согласования (в той или иной степени) интересов, наличия взаимной выгоды. Основой легитимности и согласия в любом ее виде является социальная практика, включающая официальнопризнанные и "теневые" механизмы реализации целей и ценностей.

Ключевые слова: легитимность, общественное согласие, уровень согласия, степень легитимности и согласия.

Основные положения данного сообщения можно сформулировать следующим образом: 1. Целесообразно ли разграничивать легитимность власти как ее оправдание, признание, с одной стороны, и общественное согласие, с другой. 2. Что такое общественное согласие, какие разновидности (варианты) его возможны. 3. Что означает признание социальной практики как основы легитимности и согласия, к чему это обязывает социолога. Латентно в данном сообщении присутствует еще один вопрос, с моей точки зрения, актуальный для нашей социологической науки и практики трансформации: всегда ли общественное согласие, или интеграция общества, является "благом", обеспечивающим благоприятные для общества перспективы развития?

Данное сообщение — продолжение размышления над проблемами легитимности и легитимации, рассматривавшимися в социологическом ключе мною ранее [1]. Основные соображения касались многозначности веберовской трактовки легитимности, с которой имеет дело социолог при изучении последней. Обращалось также внимание на многообразие аспектов, которыми не следует пренебрегать при социологическом исследовании проблем легитимности. Аспектам, не рассмотренным ранее или затронутым лишь частично (например, характеристика легитимности как соответствия интересов), будет уделено больше внимания в данном сообщении.

К какому виду господства применяется понятие легитимности? Как известно, М. Вебер использовал понятие "легитимность" для характеристики лишь одного из типов господства, именуемого "авторитетом" (вспомним разграничение "авторитета власти" и "власти авторитета"). Выносил он за пределы легитимации власть "нотаблей", знати, власть монарха, как "естественную власть", не нуждающуюся в оправ-

дании, а также "непосредственную демократию". Понятие "легитимность" используется М. Вебером для характеристики так называемой "представительной демократии". Именно в этих условиях, по мнению М. Вебера, существует настоятельная потребность власти в оправдании и согласовании своих целей и ориентаций с целями и ориентациями населения. Не будем подвергать сомнению данный тезис.

За пределами сообщения еще один спорный вопрос — разграничение так называемой "нормативной" и "эмпирической" легитимности. Под "нормативной" М. Вебер понимал легитимность норм, а под "эмпирической" — значимость порядка, которая выражена в представлениях людей и ориентирует их социальное поведение. В данном случае, однако, важно то, что *значимость — это представление* и как всякое представление оно имеет ценностно-нормативную, символическую природу, о чем речь будет идти далее.

При выяснении природы легитимности следует учесть также веберовское деление на *внешние* и *внутренние* гарантии легитимности. *Внутренние гарантии* — это аффективно-эмоциональная преданность, вера в абсолютную значимость порядка в качестве непреложной ценности, уверенность в его справедливости, убеждение в зависимости блага и спасения от сохранения данного порядка. *Внешние гарантии*, опирающиеся на нормы и санкции, хотя и делятся на условные, носящие моральный характер, и правовые, охраняемые законом, в любом случае связаны с принуждением. Различая "моральное" и "этическое", Вебер относит этический критерий легитимности к внутренним гарантиям легитимности, уподобляя данный критерий ценностно-рациональной вере людей, являющейся внутренним фактором поведения.

Итак, если следовать классическому (веберовскому) пониманию так называемой "эмпирической" легитимности (а именно с ней имеет дело социолог), последняя характеризуется такими ценностно-рациональными представлениями людей, которые обуславливают признание, оправдание власти, веру в ее справедливость и необходимость ее сохранения. Но М. Вебер определяет легитимность и как *общественное согласие*, что в определенном смысле ограничивает возможность использования данных понятий при характеристике различных состояний общества, в частности тех, когда имеет место относительное согласие ("консенсус") между властью и населением, обеспечивающее стабильность и даже поддержку на выборах *при отсутствии легитимности*. В этом, собственно говоря, и состоит суть проблемы, которая заслуживает самого пристального внимания.

Остановлюсь на **первом вопросе** — обосновании целесообразности разграничения легитимности и согласия. Действительно, *легитимность — это высший уровень общественного согласия*, предполагающий не только относительную согласованность интересов, но и согласование представлений (опосредованных общей идеей), взаимное доверие и признание, веру в справедливость власти, заботящейся об "общем благе". Если мысленно представить себе уровни согласия как точки на некоторой оси, то легитимность — это "высшая точка" такой

оси, низшим уровнем ("точкой") которой является сугубо утилитарное согласие (а если учесть оценочный характер термина "согласие", то это скорее "соглашательство", или своеобразная "конвенция"), обмен взаимными выгодами, преследование сугубо индивидуальных ("личных") интересов, не обусловленных идеей "общего блага", представлением об общественных интересах. Утилитарное "соглашение — конвенцию" и "легитимацию — доверие" можно рассматривать как предельные (в логическом смысле — "вырожденные") случаи общественного согласия. Уровень общественного согласия — это в вышеуказанном понимании качественная характеристика, свидетельствующая о наличии либо отсутствии определенных свойств, обуславливающих взаимодействие населения и власти и выраженных более или менее определенно на различных уровнях общественного согласия.

Степень же легитимности можно рассматривать как масштаб массовости, распространенности "легитимных представлений" среди различных слоев населения. Например, поддержка "сталинизма" или "советского строя" даже в периоды наивысшей консолидации общества не была повсеместной. Однако, несомненно, можно говорить о периодах легитимности советской власти, что, кстати, явилось одним из факторов победы в Великой Отечественной войне.

То же самое следует отнести и к тому или иному виду (уровню) согласия, которое может характеризоваться различной степенью и в зависимости от состояния общества представлять собой тот либо иной его (согласия) вариант. Но что собой представляет **согласие и какие варианты его возможны (вопрос 2-й)**? Ранее я ссылалась на интересный анализ "позднесоветского" (брежневского) периода, когда ритуальное подтверждение лояльности по отношению к власти, обмен взаимными выгодами между "верхом" и "низом" никак нельзя было рассматривать как свидетельство легитимности власти. С другой стороны, не было и открытого кризиса легитимности. Это была своеобразная сделка между властью и населением, когда "верхи" еще могли управлять "по-старому", а низы приспособились к этому способу управления и научились извлекать из него пользу [1, 27]. Сошлюсь в связи с этим на характеристику положения в сельском хозяйстве в "доперестроечный" период. Речь идет не только об использовании колхозов как доноров (и колхозным руководством, и колхозниками), но и о "теневых" взаимоотношениях, которые складывались в рамках колхозной системы хозяйствования и которые устраивали и начальство и рядовых колхозников. Эти отношения давали себя знать вплоть до последнего времени и явились существенным тормозом реформирования сельского хозяйства. "Сейчас двор и колхоз, — писал В. Г. Виноградский в 1996 году, — взаимные "фильтры", взаимные "угодья", между которыми происходит ежедневная борьба и сотрудничество" [2, 451]. Причем сотрудничество означает и установление своеобразных норм воровства (и для "рядовых", и для "начальства"), негласных правил, соответствующих "рамкам приличия".

Аналогичная взаимная "выручка" была распространена (в той или иной форме) практически повсюду. Стабильность общества при низком уровне заработной платы, при наличии дефицита товаров и прочих пороках, которые всегда были "на слуху", поддерживалась, таким образом, не только (и не столько) внешним принуждением, сколько учетом интересов, которые удовлетворялись частично вполне законными способами (посредством общественных фондов потребления), но в значительной степени — незаконными, а также благодаря обоюдной нетребовательности и необязательности. Формировались такие адаптационные механизмы, как блат, взятки, кумовство, которые (и что действительно важно) характеризовались, как показано в социологической литературе "послеперестроечного" периода, известной "демократичностью", доступностью для самых различных слоев населения.

Что касается настоящего периода, то в этом отношении ("доступности", "демократичности") ситуация существенно изменилась. "Этика блата — отнестись по-человечески, выручить и пойти друг другу навстречу — приходит в противоречие с расчетливой этикой бизнеса" [3, 118]. Незаконные услуги связаны теперь с финансами, привилегированным кредитованием, лицензированием и пр. Соответственно повысились "ставки" и при оказании услуг, связанных с личным потреблением. В результате из орбиты незаконных услуг выпала значительная часть населения, которая не может осилить "мзду". Парадокс заключается в том, что в так называемом "демократическом" обществе различие "законных" и "незаконных" возможностей "верха" и "низа" представляет собой пропасть, образуемую произволом первых по отношению ко вторым.

Тем не менее какая-то степень утилитарно понимаемого согласия самого низкого уровня имеет место и сейчас. Согласие это достигается в значительной степени путем использования многообразных механизмов выживаемости, которые формируются в процессе социальной практики. Именно последней и будет уделено далее внимание (**вопрос третий**). Социальная практика как непосредственная предметно-практическая деятельность, обусловленная реальными условиями жизнедеятельности, направляется интересами действующих лиц и групп и является источником порождения и закрепления новых интересов и социальных представлений, которые, в частности, определяют и отношение к властным структурам. Именно **социальная практика является основой легитимации и любого вида согласия**, именно в процессе практики реформирования утверждаются либо теряют свое значение социальные представления, в той или иной степени функционирующие на "заре" реформирования и обеспечивающие поддержку населением реформаторских идей. Социальная практика предперестроечного периода уже в значительной степени носила "теневой" характер. Блат, например, тоже был "практикой обхода формальных процедур, регулирующих доступ к ресурсам, как правило, относящимся к сфере личного потребления" [3, 114]. Но именно практика (во всем ее объеме, включая теневые механизмы) должна быть

изучена, для того чтобы объяснить, какой именно вариант согласия характерен для общества и почему идеи реализуются так, а не иначе.

С этой точки зрения, интересен тот анализ веберовской концепции роли протестантских идей в формировании и утверждении капиталистической рациональности, который дает В. Г. Федотова в своей статье "Когда нет протестантской этики". Она обращает внимание на позицию М. Вебера относительно так называемой "рутинизации", благодаря которой, собственно говоря, и происходит превращение харизматических религиозных задач в *мирские, реализуемые большими массами людей*. Среди факторов, которые обуславливают онтологию той или иной "социальной реальности", существенную роль играют "посредники", которые выступают не только идеологическими, но и организационными проводниками, переводящими общество со стадии харизмы в стадию рутинизации. На это обстоятельство указывает В. Г. Федотова, опираясь на анализ веберовской концепции, данный В. Тернером [3, 34]. Для М. Вебера таким "посредником" был бюрократ, следующий правилам, соответствующим классической концепции бюрократии: честность, беззаветное служение организации, отказ от личной выгоды и. т. д. Здесь важно, таким образом, то, на базе какого посредничества могло сформироваться рациональное капиталистическое хозяйство, какие человеческие качества и практики (и "вверху", и "внизу") способствовали успеху, в каких условиях честность и трудолюбие оказываются выгодными. Как пишет, например, С. Московичи, также анализирующий Веберовскую концепцию "духа капитализма", пуританское правило "честность есть лучшая политика" утверждалось именно потому, что следование ему на практике "порождало обстановку, благоприятную для кредита и обмена" [5, 261].

Отталкиваясь от идеи "посредников", В. Г. Федотова весьма эмоционально характеризует социальную практику реформирования в постсоветской России: *"Харизматическая фаза неолиберализма, взывающая к творческой активности, на стадии рутинизации в России обернулась победой жадности над экономическим интересом, авантюристов и криминальной публики, войной всех против всех. Высокий смысл рыночной идеологии, связанный с идеей свободы и творчества, был потерян из-за того, что практический консьюмеризм вытеснил идеи демократического государства, гражданского общества. В антропологическом плане подобные социальные условия развязывали страсть к обогащению, жадность, а не экономический рационализм, на одном полюсе и стремление выжить — на другом. Победа жадных над энергичными и моральными привела к антивеберовскому капитализму"* [4, 36] (курсив оригинала).

Однако социологическое исследование предполагает изучение конкретных механизмов "посредничества", типа личности "посредника", преобладающего в тот или иной период, а также учет многообразных последствий *практики реализации тех или иных идей в определенных условиях*. Обращаясь, например, к проблеме "посредников" в создании организационно-практических рамок деятельности в условиях

первых пятилеток, вспомним об управленце и администраторе, типичном для того периода: преданном делу аскете, "бессеребреннике", отдающем себя всецело служению общественным интересам. Массовый энтузиазм "рядовых строителей коммунизма", легитимность советской власти в значительной степени определялись данным типом руководителя, который разделял (в той или иной степени) со своими подчиненными трудности и невзгоды повседневной жизни. Соответственно согласование не только социальных представлений, но и интересов происходило на основе общественного служения, государственной пользы. *Согласование интересов означало следование общественным интересам, "общему благу", что, с моей точки зрения, составляет существенную характеристику легитимности власти.* Иное дело — период "застоя", когда тип руководителя существенно изменился. Претерпела трансформацию и социальная практика, в которой все большую роль играли многообразные теневые механизмы. Характеризуя этот период времени и обращая внимание на повсеместную "недоплату" рядовым труженикам и наличие всевозможных привилегий у руководителей, особенно высшего ранга, Л. А. Гордон и Э. В. Клопов признают, однако, что все это "...в общем и целом не колебало тогда ощущения нормальности, естественности социального миропорядка" [6, 124]. Но поиск факторов, на которые можно было бы сослаться для объяснения этого ощущения нормальности, ограничивается ссылками на присущее соотечественникам терпение, отсутствие средств защиты интересов (независимых профсоюзов и пр.).

Однако, имея в виду и "позднесоветский", и "постсоветский" периоды, объясняя наличие "ощущения нормальности" либо относительной стабильности и согласия между "верхом" и "низом", которые имеют место при отсутствии легитимности власти, нельзя игнорировать характер практики, определяющей состояние общества. В частности, нельзя не принимать в расчет теневую практику, которая, с одной стороны, смягчает остроту противоречий, с другой — обостряет их и препятствует нормальному развитию общества. На отрицательные последствия такого рода согласия указывают многие социологи. Так, Гордон и Клопов, обращая внимание на "смягчающую", компенсирующую роль неформальной занятости и широкое распространение многообразных форм скрытой оплаты труда, указывают на то, что, в конечном счете, это приводит к дальнейшему ослаблению государства и извращению рыночной и трудовой этики [6, 281]. Л. Я. Косалс и Р. В. Рывкина пишут, что двойная мораль и неопределенность экономических и социальных норм поведения все в большей степени уводят общество "от цивилизованных правил поведения" [7, 20]. Многообразные негативные последствия распространения неправых практик характеризуются Т. И. Заславской и М. А. Шабановой, которые связывают этот процесс с произволом работодателей и бесправностью наемных работников, что, на их взгляд, усиливает и *персонифицирует* социальную дифференциацию общества [8, 17]. Эта персонификация прежде всего определяется сплошь "теневыми" процессами сращива-

ния власти и бизнеса, о чем свидетельствуют российские социологи [9]. Особенность нашей (украинской) ситуации состоит разве что в том, что украинские социологи воздерживаются от исследования как этих, так и других "теневых механизмов", ограничиваясь, в лучшем случае, опросами населения на этот счет.

Специфика современного состояния общества, *функционирующего в условиях нелегитимности власти, состоит в том, что происходит институционализация теневых механизмов.* По мнению Р. В. РЫБКИНОЙ, этот процесс начался с 80-х годов, а в настоящее время он стал повсеместным и охватил самые различные сферы деятельности. Происходит так называемая "теневилизация общества", означающая "постепенное расширение масштабов теневых процессов за рамки экономики, то есть "захват" ими все новых и новых сфер жизни страны, в результате чего открытая, "световая" часть жизни все более сокращается" [10, 3]. Теневилизация общества означает расширение субъектов — участников теневых процессов, к которым сейчас относятся не только субъекты экономики, но и политики, работники силовых структур, ученые, врачи, преподаватели всех видов учебных заведений, спортсмены, работники культуры. "В огромной мере "неформальной" (то есть теневой) является сфера занятости работников массовых профессий" [10, 3]. Это не исключает того, что в определенном смысле (если характеризовать общество в вертикальном разрезе) возможности определенных слоев населения извлекать выгоду посредством теневых сделок, как уже отмечалось, сокращаются. Тем не менее *общественное согласие ("соглашательство") состоит в принципиальном сходстве механизмов обогащения и выживания — и те, и другие в значительной степени носят "теневой" характер и не выступают средством достижения "общественного блага". Соответственно следует оценивать и интеграцию общества, осуществляемую на данной основе.*

Итак, для объяснения вида (уровня) и степени общественного согласия, соответствующего определенному состоянию общества, необходимо тщательно изучать конкретные, социально-практические механизмы, действующие в различных сферах общества, выявлять "технологии" обогащения и выживания, а также определять субъектов, втянутых в орбиту тех или иных практических отношений, позволяющих поддерживать относительную стабильность общества. Что касается интеграции, то важно иметь в виду, на какой основе она осуществляется и к каким общественным последствиям в конечном счете приводит.

Литература

1. Попова И.М. Социологический подход к изучению легитимности и легитимации // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — №3. — С. 21—41.
2. Виноградский В. Г. Крестьянские общества сегодня // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. — М.: Аспектпресс, 1996. — С. 448—457.
3. Леденева А.В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе // Социологические чтения. Вып. 2. — М., — 1997. — С. 113—133.

4. Федотова В. Г. Когда нет протестантской этики... // Вопросы философии. — 2001. — № 10. — С. 27—44.
5. Москвичи Серж. Машина, творящая богов. — М.: Изд-во КСП+. — С. 560
6. Гордон Л. А., Клопов Э. Потери и обретения в России 90-х. Историко-социологические очерки народного большинства. Т. 2 — М.: Эдиториал УРСС, 1998. — С. 512.
7. Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России. // Социологические исследования. — 2002. — № 4. — С. 13—20.
8. Заславская Т. И., Шабанова М. А. Неправовые трудовые практики социальные трансформации в России // Социологические исследования. — 2002. — № 6. — С. 3—17.
9. Крыштановская О. В. Трансформация бизнес-элиты России: 1998 — 2002 // Социологические исследования. — 2002. — № 8. — С. 17—28.
10. Рывкина Р. В. Теневизация российского общества: причины и последствия // Социологические исследования. — 2000. — № 12. — С. 3—12.

Я. М. Попова

СОЦІАЛЬНА ПРАКТИКА ЯК ОСНОВА ЛЕГІТИМНОСТІ ТА ЗЛАГОДИ

Резюме

Легітимність влади — вищий рівень суспільної злагоди, що означає довіру до неї і визнання її справедливості. Суспільна злагода (згода, конвенція) можлива і без легітимності, але при умові узгодження в тій, чи іншій мірі інтересів, наявності взаємної вигоди. Основою легітимності і злагоди в будь-якому її вигляді є соціальна практика, яка сприймається як предметно-практична діяльність, що включає офіційно визнані та "тіньові" механізми реалізації цілей та цінностей.

Ключові слова: легітимність, суспільна злагода, рівень згоди, ступені легітимності та злагоди.

I. M. Popova

SOCIAL PRACTICE AS THE FOUNDATION OF LEGITIMACY AND CONSENT

Summary

Legitimacy of power as the highest level of public consent is confidence to it and acknowledgment of its justice. The consent (private, mutual) is possible without a legitimacy, if there is concordance of interests, a mutual profit. Foundation of legitimacy and consent is a social practice, including the official-acknowledging and shadow mechanisms of the intentions's and values's realization.

Key words: legitimacy, public consent, level of consent, grade of legitimacy and consent, social practice